

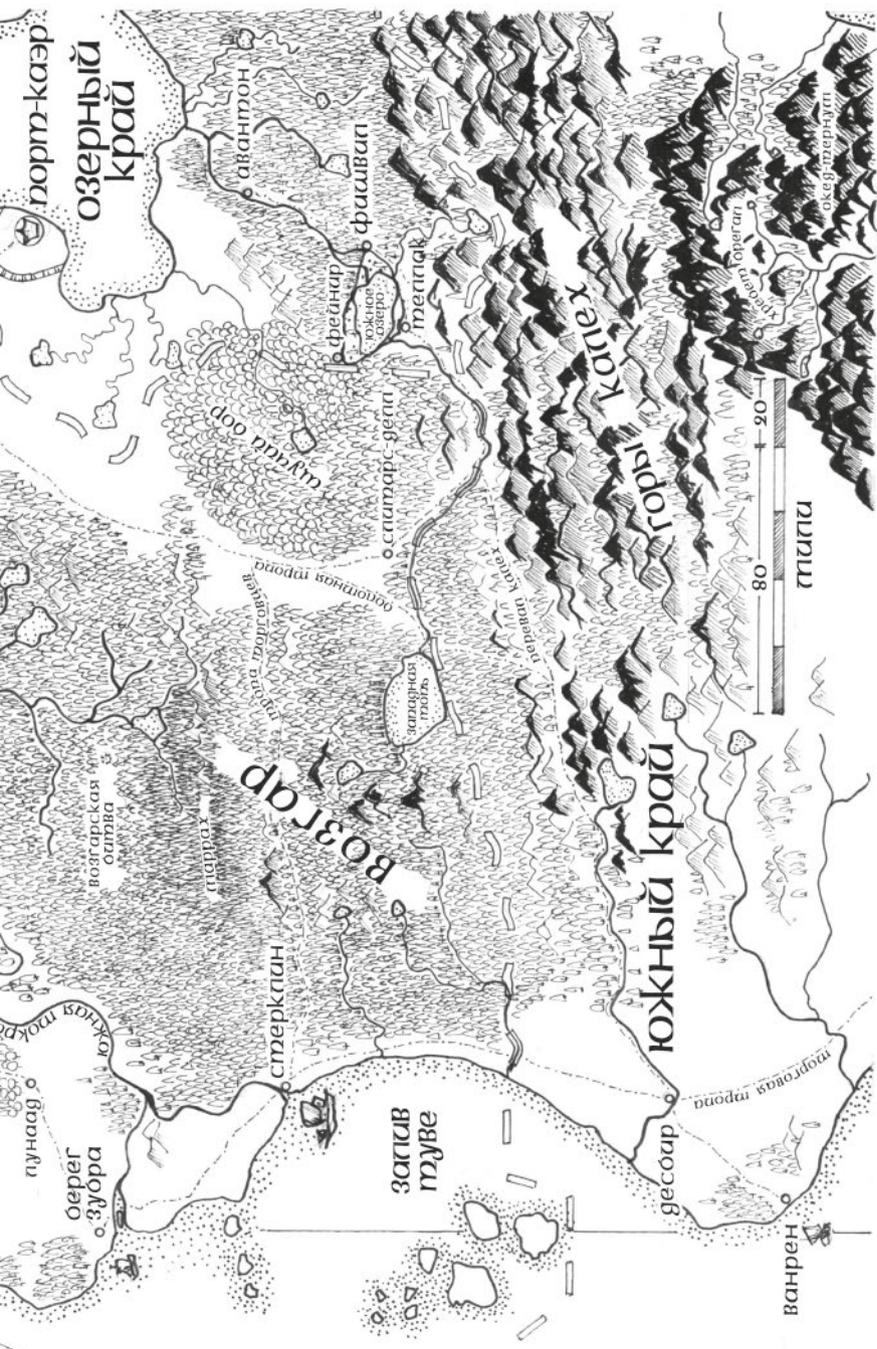
Бойтесь лжеца, что осколок Кеоса носит повсюду с собой.
Дух Его он сразит и на крови земной престол посягнет.
Совратит он людей Его, их поднять вознамерится против Него самого.
Потому неусыпно бдите, дети мои, ибо близок уже Возрождения Век,
Когда Кеос Третий восстанет во славе своей и с лика Лукватры
сметет самозванных царей.

Помните знаки, что скажут вам, кто перед вами:
Длань Кеоса носит Он вместо руки и знак на груди — клеймо
Его злейших врагов,
Его одеяние — кровь верных слуг и кости народа Его,
Пусть наследует Он сыновьям бога Одара и дочерям Люмеи,
Чиста Его магия, не расщеплен Его дух.

Бдите, дети мои,
Ибо когда вновь Он восстанет —
То одарит милостью верных, покарает мятущихся,
И магия тех, кто вызов осмелится бросить Ему,
Против них же самих обернется.

Избавитель наш и Разрушитель.
Творец артефактов.
Темный властелин.
Возрожденный Кеос.

Безбожники и падшие. Отрывок из Книги Терры

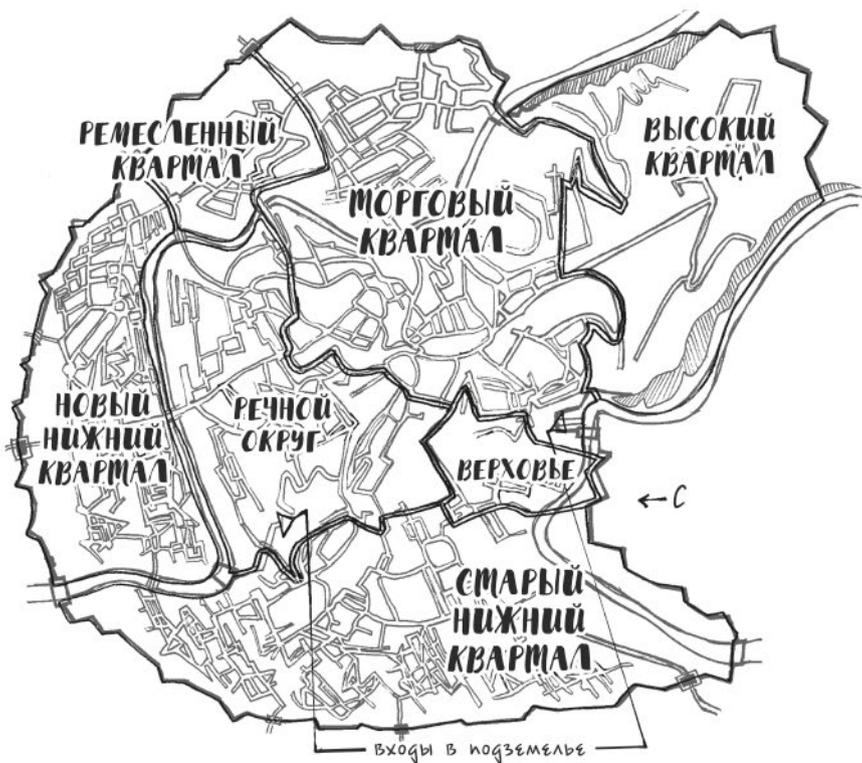
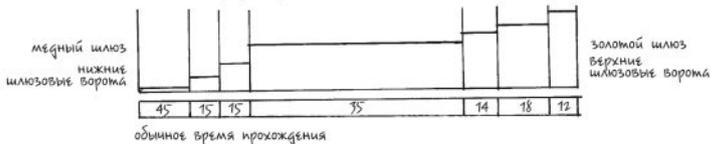

④ предположительное местонахождение шенопапу

ЛУКУРА

Профиль шлюзов Лукуры согласно королевскому указу
средний уровень в период летней межени

	мост		шлюзовые ворота
	частные ворота		стена
	малые ворота		дорога
	городские ворота		обрыв

Кратко о предшествующих событиях

Многие годы Аннев де Брет, служитель Академии Шаенбалу, безуспешно борется за титул мастера-аватара. Ежедневные тренировки в Академии он совмещает с работой в часовне, помогая своему наставнику — священнику Содару.

Во время последних состязаний за желанный титул перед Анневом встают два сложнейших вопроса, от ответа на которые зависит его будущее. Должен ли он всецело довериться Академии, а значит, отвергнуть все, чему учил его Содар? Стоит ли ему действовать заодно с друзьями или предать их, сосредоточившись на собственном успехе?

Ни один путь не обходится без препятствий или сюрпризов.

Выполнив особое поручение, которое дает ему глава Академии старейший Тосан, Аннев неожиданно для самого себя становится мастером-аватаром и тут же получает свое первое задание: отправиться в город Банок и выкрасть магический артефакт из частной коллекции. В помощь ему Тосан дает его давних врагов: отпетого хулигана Фина и Кентона, который когда-то предал Аннава и его друзей и к тому же испытывает чувства к возлюбленной Аннава — Маюн.

Забыв на время о разногласиях, мальчишки объединяются против своего врага — купца Янака Харта, владеющего жезлом принуждения. Прикованный к инвалидному креслу, Янак держит в подчинении не только всю прислугу, но и городских стражников, которые по его приказу бросаются на аватаров. После долгой напряженной борьбы нашим героям удается завладеть артефактом — но его тут же крадет у них внезапно появившаяся Содья Рокас. В кабинете Янака начинается пожар. Фин бросается в погоню за воровкой, а Кентон сбегает в надежде, что Аннев, его давний соперник, погибнет в огне.

Не в силах высвободиться из кандалов, в которые его заковала Содья, Аннев вынужден снять магический протез, с рождения заменивший ему левую руку, и бросить его в кабинете вместе с остальными артефактами. Свою волшебную руку Аннев всю жизнь прятал под перчаткой, ведь иначе Академия прокляла бы его за использование артефакта и владение магией и приговорила к смерти. Перед Анневом снова встает дилемма: он может покинуть Шаенбалу вместе с Содаром — но тогда о службе аватара и о Маюн придется забыть навсегда — или же остаться. Но поскольку появиться в Академии одноруким ему никак нельзя — увечье в Шаенбалу тоже карается смертью, — придется вторгнуться в Проклятое хранилище и отыскать там еще один протез-артефакт. Решив до конца бороться за свою мечту, Аннев выбирает второй вариант.

Благодаря волшебному эликсиру Содара Анневу удастся избежать от призрачного убийцы и добраться до Шаенбалу раньше Фина и Кентона. Дома Аннев сооружает фальшивую руку, набив соломой свою старую перчатку, проникает в подземные туннели Академии, где встречает Маюн, и та помогает ему преодолеть ловушки на пути к Хранилищу. Но в тот самый момент, как они оказываются на пороге Хранилища, Маюн обнаруживает, что рука ненастоящая. Потрясенная обманом, она оглушает Анневу.

Юноша приходит в себя в тюремной камере. Древний Тосан, который является отцом Маюн, устраивает ему допрос, требуя признаться в том, что Аннев — сын Кеоса и владеет магией. Допрос прерывает вторжение монстров: на Шаенбалу, преодолев неведомым способом магический защитный барьер, нападают феуроги — люди, тела которых состоят из металла и камня. Тосан оставляет Кентона сторожить Анневу, но узник ослепляет своего стража, плеснув ему в лицо странной жидкостью, и, заперев в камере, сбегает. Аннев пробирается в Проклятое хранилище и вооружается различными артефактами, чтобы сразиться с монстрами и спасти Шаенбалу.

Выбравшись из подземелья, он объединяется со своими друзьями и давним врагом Финном, и вместе им удается остановить феурогов. Однако теперь у Анневу появился новый враг — встретившийся ему возле стен Банока призрачный маг Ойру, лучший ассасин падшего бога Кеоса.

Слаженные действия мальчишек вынуждают Ойру отступить. Он прыгает в колодезь, который тут же обрушивается, не давая ассасину выбраться на поверхность. Однако вместо благодарности

древний Тосан, Маюн и оставшиеся в живых мастера и древние проклинают Аннева. Тосан стремится уничтожить его, используя артефакт — темный жезл пламени Кеоса, но Содар с Анневым успевают укрыться за магическим воздушным щитом. Под натиском огня щит ломается, и Содар погибает. Аннев выживает благодаря имеющимся у него артефактам, а когда и они начинают поддаваться огню, засовывает увечную руку в мешок Содара в надежде найти там хоть что-нибудь, способное ему помочь. Вынув руку, изумленный Аннев видит на ней проклятый артефакт, выкованный самим падшим богом, — Длань Кеоса. Обезумев от горя и отчаяния, Аннев сжигает Тосана вырвавшимся из руки столбом огня и едва не убивает и Маюн, но девушка падает в разверзнувшуюся у ее ног бездну.

Битва окончена, Шаенбалу лежит в руинах. Аннев с друзьями решают отправиться в Лукуру, чтобы начать новую жизнь. К ним присоединяются кузнец Шраон, который, как оказалось, был тайным союзником Содара, и мастер Брайан — бывший управляющий Академии. Шраон вызывается быть проводником, так как хорошо знает дорогу. Аннев соглашается: снять Длань Кеоса ему не удалось, и он надеется, что в Лукуре найдется мастер, который ему поможет. Брайан, исследуя развалины Академии, находит записку, из которой становится очевидно: феурогов в Шаенбалу впустили знающие жены, потому что «сосуд» — Аннев — найден.

Группа покидает Шаенбалу. Тем временем Ойру бродит по лабиринту подземных туннелей Академии. Там он замечает Маюн, окруженную феурогами. Чудовища пытаются облить ее обезображенное ранами лицо магической жидкостью — *аклумерой*, — и она жестоко расправляется с монстрами. Ойру предлагает девушке, терзаемой гневом и отчаянием, стать его ученицей. Взамен он дает ей маску, способную исцелить ее раны, и обещает, что поможет найти и убить того, кто ее предал.

Пролог

Дверь с грохотом захлопнулась. Кентон услышал, как задвинулся тяжелый засов и ключ со скрежетом повернулся в замочной скважине.

— Айнневог! — Кентон бросился на дверь, бешено молотя кулаками по холодному металлу. — Чтоб Кеос спалил твои кости! Я убью тебя, слышишь? Я тебя убью, как только увижу!

Жжение в глазах становилось все сильнее. Что за проклятую жижу Аннев плеснул ему в лицо? Кентон отшатнулся от двери и принялся с силой тереть глаза — но сделалось только хуже.

— Айнневог! — Слепленный приступом чудовищной боли, Кентон рухнул на каменные плиты.

Он скреб лицо, царапал веки, тщетно пытаясь вытащить невидимые раскаленные кинжалы, которые с каждой секундой все глубже ввинчивались в глазницы. Прошло несколько мучительно долгих минут, но облегчения не наступало.

Навернувшиеся слезы огнем опалили глазные яблоки. Кентон зарыдал навзрыд, умоляя о пощаде, но боль все глубже просачивалась в череп, прожигая себе путь, словно кислота.

Кентон закричал. Вконец обезумев от страданий, он рванул по векам окровавленными ногтями — и содрал кусочки плоти так просто, словно они состояли из расплавленного воска. Новая вспышка боли потонула в океане агонии. Кентон впился пальцами в глазное яблоко, одержимый одной лишь мыслью: вырвать из головы эту боль, выдернуть сам ее эпицентр. Даже сейчас, когда разум его был помутнен, Кентон затрясся от ужаса, осознавая, что он собирается сотворить. Но лучше лишиться глаз — лучше вовсе умереть! — чем чувствовать, как голову медленно разъедает кислота.

Приготовившись к новому взрыву боли, Кентон собрался глубже вонзить скользкие от крови пальцы в глазницу... как вдруг замер.

Вместо податливой ткани под кончиками пальцев ощущалась твердая стеклянно-гладкая поверхность.

«Что с моими глазами?..» Кентон вздрогнул, мышцы лица машинально дернулись, как при моргании, но моргать было нечем. Не веря самому себе, он снова оцупал глазные яблоки. Да за что ему это?.. Он стал уродом, чудовищем, обреченным до конца жизни взирать на мир выпученными стеклянными глазами без век... Однако едва он успел об этом подумать, как до его сознания дошел еще один факт: боли больше нет.

Кентон резко втянул ртом воздух и облегченно выдохнул. Потом снова осторожно потрогал новые глаза. Как ни странно, они совершенно не нуждались в увлажнении. Кентон снова попробовал моргнуть, на этот раз намеренно, но теперь само это действие показалось ему ненужным и даже неестественным.

«Будь ты проклят, Аннев. Что ты со мной сделал?.. И что я сам сделал с собой?» Кончиками пальцев он провел по остаткам век: лоскутки плоти высохли и огрубели, а кожа вокруг глаз затвердела и стала словно чужой. Почти такими же на ощупь, разве что чуть более мягкими, оказались брови и скулы, а вот лоб, нос, губы и щеки остались прежними. Шрам на щеке никуда не делся — жидкость попала только в глаза, — но об этом не стоило беспокоиться: глаза, лишенные век, наверняка выглядели намного кошмарнее любых шрамов.

Кентон осторожно очистил глаза от остатков крови, причем вопреки страху не почувствовал и намека на боль. Даже отсутствие век его больше не беспокоило. Он оглядел пустую камеру, поражаясь, что вообще в состоянии хоть что-то видеть. Однако зрение действительно вернулось к нему и, более того, с каждой минутой становилось все острее.

«Кеос тебя подери, Аннев! Что же ты со мной сделал?» Еще с минуту Кентон посидел на полу, растравляя собственные раны, но потом все же заставил себя подняться на ноги.

В потолке, в самом углу камеры, он заметил ржавый люк. «Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумал Кентон, но все же решил попытать удачи. Он поднялся по высеченным в камне ступенькам и, оказавшись под люком, с силой надавил на крышку. Та даже не скрипнула. Тогда он поднялся чуть выше, уперся в нее плечами и снова попытался приподнять. Безрезультатно. Может, она уже безнадежно проржавела, а может, была закрыта на засов с другой стороны — кто знает, да и какая разница.

Кентон повернул голову, чтобы еще раз взглянуть на люк в потолке, и только сейчас увидел сочащуюся по его краям мерцающую субстанцию. Пока он зачарованно глядел на светящиеся ручейки, его начало затягивать в воронку красок, образов и ощущений: вокруг него вспыхивали изумрудные и фиолетовые огни; он чувствовал холодное дыхание приближающейся зимы, которое смешивалось с жаром расплавленного металла. Внезапно перед его взором замелькали призрачные лица. Кентон резко отпрянул от страшного видения, потерял равновесие и упал с лестницы, больно ударившись локтем и затылком о каменный пол.

«Чтоб мне в бездну провалиться! — выругался Кентон, неуклюже растирая ушибленные места. — Что это было? Призраки?.. Призраки с детскими лицами?»

Он встряхнулся, пытаясь прийти в себя.

Проклятье, как же все это странно.

Кентон снова протер свои стеклянные глаза, твердо пообещав себе, что больше к разноцветной жидкости и близко не подойдет. Чувствуя себя совершенно разбитым, он с тоской усталился на дверь. Вскоре картинка перед глазами помутнела. В очередной раз обругав Анневу, Кентон сфокусировал зрение, но через пару мгновений вновь ничего не смог разобрать из-за тумана. Однако туман тут же рассеялся, и Кентон увидел... пустой коридор подземелья.

Серебряные посохи, быть того не может!

Испытывая почти благоговейный восторг, Кентон встал и тронулся до прозрачной двери. Ладонь легла на твердую шероховатую поверхность. Тогда Кентон сосредоточил взгляд на руке. Дверь приобрела прежний вид, а вот рука... сквозь кожу проступили кости, кровеносные сосуды и сухожилия. Пока Кентон потрясенно рассматривал руку, его взор проник сквозь нее, а затем и сквозь дверь, и юноша снова увидел коридор. Невероятно! Кентон убрал ладонь: на мгновение стена перед ним вновь материализовалась, а затем опять растворилась в воздухе. Ему даже захотелось пару раз моргнуть, чтобы проверить: не чудится ли ему это?

«Я могу видеть сквозь предметы, — думал Кентон, не в силах до конца поверить в свои новые способности. — Могу видеть сквозь стены... сквозь саму землю».

Интересно, как глубоко он может заглянуть? Кентон опустил голову. Уже через несколько секунд он рассматривал камеру уровнем ниже. Ее состояние говорило о том, что она стоит заброшенная уже очень много лет, и это навело Кентона на мысль: возможно,

никто даже не догадывается, что в подземельях Академии существует еще один уровень. Взгляд прошел сквозь пол, под которым, как бы Кентон ни всматривался во тьму, не оказалось ничего, кроме сырой земли и твердой породы.

Тогда Кентон снова принялся изучать тюремный коридор. Он ясно увидел ступени, ведущие наверх, однако, куда именно они вели, рассмотреть не смог. Раскрыв глаза как можно шире, Кентон постарался охватить взглядом камеру целиком. Уже через несколько секунд он понял, в чем дело: над его головой висела гигантская непроницаемая сфера.

Кентон прикинул в уме, где находится его камера.

«Я под Проклятым хранилищем, — осенило его. — Любопытно».

Он не стал ломать голову над этой загадкой и вновь принялся просматривать пространство в поисках какой-нибудь лазейки. К несчастью, его поиски были напрасны: в каменных стенах не обнаружилось ни единой трещины, а попытки высадить дверь и крышку люка привели лишь к новым синякам и ссадинам.

Ничего не попишешь — остается только ждать, когда его хватят.

Кентон, зарывав от злости, бросился на пол. Вся усталость, накопившаяся за несколько дней, вдруг разом навалилась на него. Последние состязания, ожесточенная гонка за титул аватара, само Испытание суда... заветный титул был почти у него в руках, если бы не этот Аннев со своими дружками, Титусом и Теринном.

Кентон постарался отогнать горькие мысли. Интересно, а сможет ли он теперь заснуть, с постоянно открытыми глазами?

Глазные яблоки то и дело закатывались, и он почти засыпал, но камни до боли обжигали холодом спину, вырывая его из объятий благословенного забытья. В конце концов усталость взяла свое: Кентон свернулся калачиком и заснул.

Проснулся он из-за того, что пол под ним задрожал. Кентон долго не мог сообразить, где он находится, спит или бодрствует, а когда окончательно пришел в себя, ощутил сильное замешательство.

Оказалось, пока он спал, проклятие, обрушившееся на него, еще больше усугубилось: теперь он различал оттенки света — красноватые, насыщенные фиолетовые волны, ранее невидимые его глазу. Кентон посмотрел на пол под собой и увидел красные и оранжевые пятна, которые постепенно приобретали желтый и зеленый цвета.

Там, где свечение было особенно ярким, еще ощущалось тепло его тела. *Я что, теперь вижу и тепло? Как такое возможно?*

Пол и стены вновь задрожали, и что-то оглушительно затрещало. Кентон испуганно оглянулся и увидел, что в стене образовалась щель в палец шириной. Через мгновение она была уже с ладонь, и во все стороны от нее поползли трещины. Одна из них достигла угла двери его камеры, и раздался ужасающий скрежет, когда дверь резко прогнулась под тяжестью падающих камней. Кентон в панике забился в дальний угол, обхватил голову руками и принялся отчаянно молиться богу, в которого не верил, заклиная небеса уберечь его от позорной смерти. Еще один мощный толчок, от которого на Кентона посыпался дождь из камней, отскакивая от его плеч, рук и спины... и наступила гулкая тишина.

Кентон осторожно поднял голову. В воздухе висели плотные облака пыли, и юноша попытался прищуриться, позабыв, что теперь не имеет век. Он быстро ощупал руки и ноги и обнаружил, что они целы, хоть и болели от синяков и царапин. Он облегченно выдохнул и тут увидел, что его молитвы были услышаны: дверь камеры выгнулась внутрь.

Кентон медленно приблизился к ней, не смея поверить в свою удачу. Неужели ему выпал шанс спастись, избежать смерти, которой он не заслужил, и судьбы, которая была предназначена другому? Трясущимися руками он схватился за выгнутый металл и заглянул в образовавшуюся щель между дверью и каменной стеной. Она выглядела слишком узкой, но попытаться стоило. Кентон изо всех сил потянул дверь на себя. Дверь заскрипела, но не поддавалась. Кентон выругался — благоговение перед милосердным Провидением мгновенно улетучилось — и, рассвирепев, снова рванул ее к себе, раздирая ладони в кровь. На этот раз его усилия были вознаграждены: дверь выгнулась еще больше, искореженные петли со звонким стуком упали на пол.

Он с опаской выглянул в коридор. Там никого не было, к тому же стояла мертвая тишина, от которой ему стало не по себе. Уж лучше услышать топот спешащих по его душу охранников или даже грохот падающих с потолка камней.

Но в Академии было тихо. Слишком тихо.

Что Карбад сказал Тосану перед тем, как оставил Кентона с Анневом? Кажется, будто целая вечность прошла... «На Шаенбалу напали!.. — зазвенели в ушах слова мастера расчетов. — Чудовища, демоны из металла... эти твари уже в Академии!» Тогда почему до него не доносится ни звука?

Как бы то ни было, оставаться здесь нельзя. Кентон сделал глубокий вдох, тут же закашлялся от сухой пыли, висевшей в воздухе, и с осторожностью выбрался из камеры.

Коридор был завален каменными обломками, перекошенный потолок угрожающе навис над единственной лестницей, ведущей наверх. Кентон бросился бежать, не заботясь о том, что его могут увидеть. На самом деле он был бы даже рад, попадись ему сейчас кто-нибудь из мастеров или древних.

Но он никого не встретил. Никто не спешил проверить его камеру. Некому было с отвращением взирать на его новые шрамы и глаза без век. Некому было назвать его досадной ошибкой природы, кеокумом, сыном Кеоса.

Казалось, во всей Академии не осталось ни единой живой души.

Кентон остановился у лестницы и, подняв голову, взгляделся в пространство уровнем выше. Он увидел винтовую лестницу, коридоры, ведущие в архивы и Проклятое хранилище... и человеческое тело — столь искаленное, что юноша не смог его опознать. Цвет одежды скрывали пятна грязи и крови, поэтому даже не представлялось возможным понять, кто это — служитель или мастер-аватар.

Кентон инстинктивно отшатнулся, и к нему вернулось нормальное зрение. Некоторое время он стоял, впитывая запахи и тишину. Рука машинально потянулась к лицу: пальцы скользнули по старому шраму, потом по отвердевшей коже вокруг глаза. Вдруг он заметил слабое свечение. Его пальцы светятся? Кентон удивленно убрал руку от лица — и свечение исчезло. Тогда он снова поднес руку к глазам, и тут ему стало ясно: от них-то и исходит это призрачное сияние.

Случись с ним такое еще пару часов назад, он бы, наверное, расхохотался от неожиданности или заплакал от страха — теперь же он остался спокоен. Пора бы смириться с тем, что он становится — да что там, уже *стал* — совсем другим существом.

И он смело шагнул вперед, готовый к встрече с переменами, произошедшими с миром за то время, пока сам он менялся, сидя в заточении.

ЧАСТЬ I

И пробудились новые боги, и начался Третий век мира. Но не увидели они отца своего, ибо Кеос бежал из Лукватры. Поверженный бог оставил детей своих, желая набраться сил, чтобы вновь предстать пред миром во славе и могуществе.

И Новых богов было пятеро, ибо вышли они из сокрушенной длани Кеоса, и каждый из них был наделен частью его силы. И когда они пробудились, мир был погружен в безумие и кровь лилась рекою, ибо терранцы, покинутые отцом своим, пошли войной друг на друга. И сжались новые боги над детьми Кеоса, и взяли их под свою защиту. И вскоре случилось так, что многие терранцы стали им поклоняться, и новые боги познали т'расанг и овладели им.

Шелгаир Охотник воцарился среди зверей Лукватры. Те, кто служил ему, наделялись даром говорить с тварями великими и малыми, а некоторые — даже умением изменять свой человеческий облик на звериный.

Гарадаир Садовница воцарилась среди растений Лукватры. Почитавшие богиню наделялись властью надо всем, что произрастало из земли. Были те, кто мог приказать цветам и деревьям, где им расти, и ускорить их рост, а иные слышали шепот растений, умели говорить с ними и даже воспринимать мир через них.

Круитхар Создатель воцарился в недрах Лукватры, и подвластны ему были все минералы. Служителями его были простые люди, любившие землю и ее тайны. Находились среди них те, кто умел голыми руками управляться с камнем и металлом. И многие среди них были сильны и надежны, как сама земля.

Так, Шелгаир, Гарадаир и Круитхар стали властвовать над землей и кровью и считали себя мудрыми правителями, ведь служители их процветали. Дорхноку же с Тахараном не осталось царства.

Но Тахаран Перевертыш был хитер. Сказал он: «Если братья с сестрой властвуют надо всем, что было, и всем, что есть, я стану властителем над тем, что может быть». Так, стал Тахаран богом возможностей. Почитатели называли его богом судьбы и богом рока, влекли их пророчества или тайны загробной жизни, и любили они свое дело даже больше, чем почитатели Круитхара — свое.

Но и Дорхнок Обманщик был хитер. Сказал он: «Если братья с сестрой властвуют надо всем, что было, всем, что есть, и всем, что может быть, я стану властителем над тем, чего нет». Он выстроил себе покой в царстве снов и стал богом теней. Почитателями его были изгои, мечтатели и торговцы смертью, те, кому не было места среди людей. Дорхнок

не вмешивался в дела их, повелев, что каждый должен сам управлять своей судьбой. Лишь немногим даровал он свое благословение, избирая их по своей прихоти.

Так, пятеро новых богов поделили народ Кеоса меж собой. И хотя многие из терранцев стали восхвалять новых богов, их оказалось меньше, чем тех, кто остался верен Кеосу. Служители поверженного бога ждали его возвращения, ибо верили, что он наградит их за верность и возвысит их и станут они владыками крови. Так оно и случилось.

Однако неверных ждала расплата. Увидел Кеос деяния новых богов и явился к ним, требуя, чтобы подчинились они его воле и отдали ему его служителей. Но не послушались боги, ибо были столь же горды и надменны, сколь и отец их. И сказали они, что не может бог-калека властвовать над всеми, и, насмехаясь над ним, показали ему храм Тахарана, что был воздвигнут в Тор-Куме на месте великой кузницы, которая всегда являла собой символ величия и мощи Кеоса.

*Фрагмент «Совет Кеокумота» из Книги Терры,
найденный в руинах Спеур Дун. Перевел Содар Вейр*

Глава 1

Вздрыгнув, Аннев открыл глаза. Где он? Судя по густым зарослям папоротника и соснам с елями, возвышавшимся вокруг вперемешку с кленами, это была Чаща, но не самые дебри: он знал, что прямо за теми деревьями впереди начинаются равнины, ведущие в Банок и Лукуру. Тут Аннев вспомнил: они собирались все время двигаться на северо-запад, но с наступлением заката ожили тени, и углубляться в Чашу стало слишком опасно, поэтому они решили продолжить путешествие утром и разбили лагерь здесь, у западной кромки леса.

Все, кроме Аннева, были уже на ногах. Великан Брайан запрягал черную кобылу в телегу; Титус, невысокий мальчик с круглым лицом, ему помогал. Завидев Аннева, высунувшего голову из-под вороха одеял, Титус радостно махнул ему рукой. Аннев кивнул в ответ, выбрался из-под одеял — и тут же налетел на Терина. Мальчишка, несший две бадьи с водой, выплеснул половину одной на Аннева, отскочил в сторону, запнулся и опрокинул содержимое второй на самого себя. Терин перевел взгляд с полупустых ведер на свою промокшую одежду.

— И вам доброго утра, перчаточный мастер, — ухмыльнулся он. Перелив воду из одной бадьи в другую, он протянул Анневу пустую посудину. — Мастер-кузнец желает, чтобы мы натаскали воды. А раз уж половину моих трудов ты загубил, то будь добр возместить ущерб.

Хоть Терин и улыбался во весь рот, в его глазах не было и намека на веселье.

— Перчаточный мастер?

Терин издал мученический стон и выхватил у Аннева ведро:

— Тебе говорили, что ты спросонья малость туповат?

Он кивком указал на левую руку Аннева, одетую в массивную, сплошь покрытую пятнами сажи кузнечную перчатку из толстой кожи.

— Это перчатка. — Терин пощелкал пальцами перед растерянным лицом друга. — А ты — мастер-аватар. Получается — перчаточный мастер. Смекаешь? Это шутка такая.

Он немного подождал, потом выхватил у озадаченного Аннева пустое ведро и сунул ему в руки свое:

— Ладно, забудь. Сам схожу. А ты, как утатишь бадью Шраону, сделай нам всем одолжение: сунь туда свою сонную голову.

Убедившись, что Аннев крепко держит ручку ведра, Терин умчался в том же направлении, откуда появился.

Пока Аннев глядел ему вслед, к нему подошел Титус и, слегка замешкавшись, обнял его одной рукой за плечи:

— Не обращай на него внимания. Терин злится, потому что его подняли ни свет ни заря, а тебя нет.

Аннев окинул взглядом лагерь: все одеяла уже были свернуты и лежали в телеге.

— Мог бы и меня разбудить.

— Ну да, только я пригрозил, что вышибу ему мозги, если он хоть на шаг подойдет к тебе. — Из-за деревьев появился Шраон. В одной руке он нес охапку дров, в другой — топор. Аккуратно положив свою ношу на телегу, он поднял стоявшую у сосны алебарду. — За последние дни на тебя многое свалилось, и ты еще толком не оправился. Я подумал, тебе стоит как следует выспаться.

Слова кузнеца пробудили в Анневе смутные воспоминания о недавнем сне. Кажется, ему снился какой-то человек в черном, который сказал... Что же он сказал? Этого Аннев решительно не помнил. Он тряхнул головой:

— Спасибо за заботу, Шраон, но давай-ка я буду вставать вместе с остальными, договорились?

Кузнец слегка поклонился:

— Договорились, мастер Аннев.

Он взял ведро с водой и знаком велел мальчишкам развязать их кожаные мешки.

— А завтрак будет? — спросил Аннев, у которого при мысли о еде мучительно засосало под ложечкой.

— Мы оставили тебе немного куропатки на вертеле, — ответил Шраон, переливая воду в мешки. — Погляди в повозке.